

Сергей ЛЕВОВ

Николай Климентович — человек, обладающий многими талантами, широкой публике (она же узкий круг, в который превратилась читательская аудитория интеллигентных книг, газет, журналов) более всего известен как самый острый и влиятельный светский репортер — газета «Коммерсант», где он работает, не только породила стиль новой журналистики, но и создала необычную для наших широт профессию. Не обидна ли такая слава для успешного прозаика, драматурга, литературного критика, автора только что переизданной (!) книги «Дорога в Рим»?

— Во-первых, не надо преувеличивать, даже в шутку. Слава — понятие народное, а светская хроника с настоящей страстью читается лишь людьми, которые могут в нее попасть, а таких заведомо очень немного. Во-вторых, для меня это новый опыт, необходимый в том числе и для моих старых — писательских и драматургических — занятий. Например, стратегию успеха сейчас приходится продумывать не только человеку, стремящемуся подняться по иерархической лестнице, но и занимающемуся распространением собственного романа. Ведь у нас не отлажены механизмы распространения, не существует сети книжных магазинов, нет системы оповещения, то есть оперативной и объективной критики. Конечно, когда пишешь роман, про это все не думаешь, но когда он закончен, приходится самому заниматься и его дальнейшей судьбой.

Конкуренцию недостаточно выиграть лишь за письменным столом. Прозаики — как группа бегунов на длинной дистанции, где кто-то отстает, а потом делает рывок и всех обгоняет. И каждый участник процесса хорошо видит все время меняющуюся картину и, чтобы не выпасть из нее, должен все время подтверждать свое право на место в ней. И здесь мне на руку мои наблюдения за «человеческой комедией», разыгрываемой на светской площадке.

— Мы на нее вернемся, но сейчас дорисуйте, пожалуйста, картину. Ее определяет не только талант писателя, но и время, которое меняет вкусы читателей. По вашим представлениям, что в литературном раскладе изменится в ближайшем будущем?

— Во-первых, образуется реальный динамичный книжный рынок, где в первую очередь будут котироваться вещи, написанные здесь и теперь. Интерес к собственным писателям, как во всех цивилизованных странах, возобладает.

Что касается самой словесности, то уже сейчас заметно движение в сторону реализма. Постепенно образуются слои писателей сугубо реалистического направления, который на время задал все нынешние иррациональные устремления. Потом, по закону качели, снова возобладают метафизики, но совершенно на другом уровне. Непереваренные чужие идеи и темный стиль, надеюсь, останутся в сегодняшнем времени.

— Способны ли вы сознательно выполнять социальный заказ времени, написав актуальный роман?

— Композитор Александр Журбин, сейчас проживающий в Америке, на мой вопрос, почему он не пишет шлягера, отвечал, что у него нет на это таланта. Кроме того, никто не может объяснить, что времени и любви затребуется, что станет шлягером и бестселлером.

Раньше так целовались только генсеки

ром. Поэтому лучше просто стремиться написать хорошую книгу.

— Сейчас стремитесь?

— Стремлюсь, но говорить об этом пока не хочу. Тем более, когда закончу, сказать трудно. Много времени отнимает театр. Написать пьесу — это ведь подвиг. Сделать ее сценической требует не меньше усилий, а главным образом, опыта.

— Бесконечное число театральных ступеней — признак театрального ожидания или падения планки?

— Это, скорее, примета либерализации нашей жизни. В какой-то момент стало очень легко создать студию, и множество неудачников

пали в первом номере журнала «Стас» и...

— Какая это экспертиза? Обзвонили несколько авторов и по телефону задали всего один вопрос.

— Если так делается журнал, задуманный как рейтинг, то что можно ожидать от всех глянцевых роскошеств, перенесенных с западной новы?

— Выжить только те журналы, у которых точно продуман адресат.

— Американский «Плейбой» был твердо ориентирован на последнее поколение молодых мужчин-бизнесменов, которым необходимо было в перевернувшейся жизни за-

дать некую модель потребления моды, в том числе и культурной. Главный редактор русского «Плейбоя» Артем Троицкий меняет адресат (см. «ОГ» № 27), практически не меняя концепции. Что это — непрофессионализм или наплевательское отношение к читателям?

— Я люблю историю про человека, который зарабатывал много денег. Потом уволился с работы и начал писать фантастические романы. Он написал их три штуки. Сам понял, что они никому не годятся, и сжег их. На вопрос изумленной жены ответил: «Если бы я их не написал, то до конца жизни корил бы себя, что во мне погиб писатель». Не исключено, что издатели этих журналов, люди талантливые и удачливые в своих начинаниях, боялись, что в них погибнет издатель. Мы все еще до конца не осознали необходимость жесткой профессионализации. На энтузиазме и личных знакомствах на века ничего не сделаешь. Пока все эти новомодные издания — не более чем светские мероприятия.

— Скажите, пожалуйста, что такое светское мероприятие при отсутствии светской жизни?

— Думаю, что событие можно считать по светскому разряду при одном условии — оно должно быть по возможности необязательным, но привлечь как можно больше людей бомонда. Только в таком мероприятии есть привкус вполне светской непреднамеренности и

легкомыслия. Я люблю вспоминать сказку про Винни-Пуха, которая есть произведение о сугубо светской жизни. Она описывает жизнь определенного числа персонажей, совершенно определенной местности, где имеется несколько салонов, куда в разных комбинациях перемешаются герои и где все друг о друге сплетничают. Это идеальная модель светской жизни, которая у нас стремительно нарабатывается.

— Подобная жизнь у нас существует?

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

— Возрождение «света» парадоксальным образом пришлось на 30-е годы нынешнего столетия, на время «большого стиля», — недаром сразу несколько фильмов последних лет посвящены именно этому десятилетью, причем не терпору, но своего рода кровавому карнавалу. Собственно, «светской жизни» и не может быть вне «стиля», что бы под этим словом ни подразумевалось: стиль пушкинской эпохи или стиль раннего сталинизма.

Михаил КЛИМЕНТЬЕВ

Есть ли свет в России

Михаил КЛИМЕНТЬЕВ

ной для этой среды были посольские приемы. Странные рисовали картины, когда на них вдруг сталкивались сугубо официальные персонажи с сугубо неофициальными — оттаками, диссидентами. Отдельную жизнь жили известные спортсмены, известные балетные люди, что, впрочем, сохранилось до сих пор. Третью сторону того подобия светской жизни составляла жизнь криминализованного мира — чеховики, богатая фарша, валютники. Временами они пересекались со статусной богемой, например, в том же «Нашинале». Но не существовало такого пространства, где все эти группы могли сойтись.

И вот перестройка внезапно создала удивительную вещь — освещенную площадку, на которую устремились люди, принадлежавшие к совершенно разным слоям. Люди в предыдущей, имперской ситуации, державшиеся совершенно разных пространств, вдруг оказались в одном, и это породило явление, которое можно, условно говоря, назвать светской жизнью.

— Почему «условно»?

— Дети партийной номенклатуры, в 70-е годы составлявшие золо-

тую молодежь, таковой теперь не являются, а новая золотая молодежь — дедлы с наследством и ренгой — еще не выросла. Вель светская жизнь — это не хроника о выступлениях певцов и певий — на то есть артистическая афиша. И не новости их жизни вне сцены — на то есть сплетни. В старину даже ба-дерина Кшесинская, фаворитка Великого князя Сергея Александровича, не принадлежала к большому свету, не говоря уж о солистках пыльного хора или о цирковых силачах. Большой свет был очень мал, а ныне существует лишь малый свет, и он весьма широк.

— Мы перестали удивляться, что презентация новой книги может состояться в театре, премьера нового спектакля — на парадном, вернисаже — в торговле, а чтение стихов — в вестибюле психбольницы. Как определяются места светской жизни?

— Вообще же светская жизнь витает, где хочет. Самозарожда-

ется высший свет последовательно пережил моду на голландские, немецкие, потом на французские веяния, на рубеже веков вспыхнула было и англomania. Сегодня

Дачи, квартиры, лимузины, санатории — все это лишь внешняя атрибутика, но без нее не может быть светской жизни.

Рухнут атрибуты, сгинет мода, поселится во дворцах Гагари и Юсуповых берега Крыма «рабочие и крестьяне», в «Праге» исчезнет цыгане, а сотрудники НИИ, празднуя «всем отделение», затанцуют там хором «Подмосковные вечера» — и вся светская жизнь сведется к тому, что диссиденты будут пить водку на кухнях, а «при дворе» таяние Шолохов, Всеволод Иванов и Хрущев будут поджакать доить в ручье специально туда запущенную форель.

— Если она и существует, то никогда не артикулируется. Если вспомнить Пруста, а его нельзя не вспомнить, так как он лучший школа и для светского репортера, и для светского человека, то у него существовала некая объективная иерархия. Во-первых, родовитость, знатность. Поскольку Пруст описывал время, когда аристократия стала складываться позиции буржуазии, то возник другой критерий — богатство. Тогда же — в век индивидуализма — появился критерий таланта. И наконец существовавший всегда — обаяние, личная состоятельность. Светские люди могут не обладать никакой иной профессией, кроме светской. Они, кстати, и демонстрируют, что свет есть. Я это к тому, что не может быть выстроено одной иерархии по той причине, что нет единого критерия, а есть сумма взаимодополнительных оценок. Светские люди знают ее безошибочно, но никогда не выскажут вслух в силу того, что они светские.

— Наверное, у светского хроникера есть свои способы различать эту иерархию?

— Самые простые тесты: кто куда ходит, кто куда не ходит, кто с кем предположительно фотографировался. Только посмотрев на приглашение или форму его доставки, я могу заранее сказать, будут ли

при общей вестернизации жизни пальму первенства нужно отдать американским влияниям, причудливо интерпретирующимся на русской почве. Американская иерархия построена не на титуле, не на таланте, а на банковском счете. Поэтому и у нас героями дня становятся те, кто смог купить время на телевидении. Но надеюсь, что мы все-таки останемся в лоне европейской традиции, не прямо связанной с распределением капитала. Европейскую родовитость заменит трудно формулируемое, но всем понятное ощущение отделимости, талантливости, самости. Эти люди составят элиту. Жизнь этой элиты и будет светской жизнью.

— А зачем она вообще нужна?

— Светская жизнь — это слепок общества, вещь страшно продуктивная, поскольку именно здесь среди слухов, сплетен, анекдотов зачастую творятся важные дела, решаются существенные государственные вопросы.

— Имея в руках такое мощное орудие, как пресса, вы можете реально влиять на процесс формирования элиты хотя бы постоянным упоминанием тех, кто по вашим наблюдениям может быть причислен к ней.

— Для этого надо решить для себя принципиальную вещь: собиравшись ли ты стимулировать или симулировать процесс. Из любви к этой стране и ее культуре я выбрал менее выигрышную, но более продуктивную роль — стимулировать. Здесь мне помогает профессия литературного критика, поскольку моя светская хроника — это те же оценки и рекомендации. Рассказывая, где, скажем, светский тон был выдержан, а где нет, я или порицаю, или поощряю происходящее.

— А что такое светский тон?

— В светском общении, как в любом искусстве, существует много разных языков. Это и одежда, и украшения, и косметика у женщин, это флирт, это и наша речь. Какой язык доминирует в той или иной ситуации, определяется жанром. В интеллектуальной гостиной он один, в салоне, в фойе, на вернисаже, фуршете, презентации — всюду разные. Выдержать форму — значит соблюсти светский тон.

— Есть ли люди, вполне овладевшие этим искусством?

— Есть люди, придающие этому большое значение. Есть люди, завоевавшие себе имя в профессиональной среде, которые поддерживают свой статус светским общением. Очень важно, что человек, которому вчера писались стихи, а сегодня не пишется, не перестает существовать как культурный персонаж. Светская жизнь — разновидность профессиональной деятельности, причем творческой, требующей вдохновения, одаренности и фантазии. Попробуйте безошибочно рассчитать, на какие приглашения откликнуться, а какие игнорировать; правильно выбрать туалет, который подойдет и для премьеры балета, и для ночного ресторана. Попытайтесь ухитриться присутствовать в нескольких местах одновременно, причем не без пользы для профессиональной деятельности, а также для жизни сердца. Для всего этого нужен не только опыт, но выносливость и интуиция stalkera. Там, где «всех» нет, вообще говоря, лучше не бывать, а если даже и бывать, то не попадаясь на глаза светским хроникерам.

По итогам прошлого года самыми знаменитыми фигурами столичного бомонда мы признали двух писателей — Александра Кабакова и Андрея Вознесенского.

— Существует ли светская иерархия, по которой люди одних профессий расцениваются выше других?

— Если она и существует, то никогда не артикулируется. Если вспомнить Пруста, а его нельзя не вспомнить, так как он лучший школа и для светского репортера, и для светского человека, то у него существовала некая объективная иерархия. Во-первых, родовитость, знатность. Поскольку Пруст описывал время, когда аристократия стала складываться позиции буржуазии, то возник другой критерий — богатство. Тогда же — в век индивидуализма — появился критерий таланта. И наконец существовавший всегда — обаяние, личная состоятельность. Светские люди могут не обладать никакой иной профессией, кроме светской. Они, кстати, и демонстрируют, что свет есть. Я это к тому, что не может быть выстроено одной иерархии по той причине, что нет единого критерия, а есть сумма взаимодополнительных оценок. Светские люди знают ее безошибочно, но никогда не выскажут вслух в силу того, что они светские.

— Наверное, у светского хроникера есть свои способы различать эту иерархию?